
Андрей Владимирович
ВЕРНИКОВ

ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ

Москва
Институт экономики
2007

Верников А. В. Формы собственности и институциональные изменения в банковском секторе (научный доклад). М., 2007. — 52 с.

В докладе сделана попытка применить парадигму неоинституциональной экономической теории в целях прикладного анализа банковского сектора России. Автор сопоставляет разгосударствление банков в России, странах Центральной и Восточной Европы и Китае, а также изучает связь между долей частной собственности в банковском секторе и становлением рыночных финансовых институтов. Анализируется институциональный тупик смешанной экономики и различные направления выхода из него.

Vernikov, Andrei. Forms of ownership and the institutional change in the banking sector. Institute of Economics of the Russian Academy of Science Working Paper, 2007, IE RAN (Moscow). — 52 p.

In this working paper the paradigm of institutional economics is applied to the analysis of the Russian banking sector. We compare the withdrawal of the state from direct bank ownership in Russia, Central and Eastern Europe, and in China. We also look at the interdependence between share of private ownership in the banking sector and the shape of financial institutions of a market economy. We consider the institutional impasse of a «mixed economy» and possible ways out of it.

©
Верников А.В.,
2007

©
Институт экономики РАН,
2007

Введение

В этом докладе рассматривается взаимосвязь между изменением формы собственности и развитием рыночных институтов¹ в банковском секторе. Конкретным *объектом* исследования послужили системы коммерческих банков в странах с переходной экономикой — Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ)², Юго-Восточная Европа, Россия и СНГ — и Китае. *Предметом* изучения стали процессы приватизации и разгосударствления банков и развитие финансовых институтов рыночного типа.

Автор попытался применить парадигму неоинституциональной экономической теории, категориальный аппарат и отдельные методы институционального анализа в целях прикладного исследования конкретной отрасли российской экономики — сектора финансовых и банковских услуг. На сегодняшний день теоретико-прикладным анализом охвачено явно недостаточное число отраслей экономики. Автору известны примеры институционального анализа

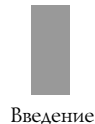
-
1. Под институтами понимаются устойчивые нормы и правила поведения людей, их традиции и представления. Мы различаем институты и организации: если институты — это правила игры в обществе, то организации — игроки (North, 1990; North, 1997). Применительно к банковскому сектору организации — это Центральный банк России и другие официальные учреждения, поддерживающие и регулирующие деятельность банков, а также сами коммерческие банки.
 2. Здесь и далее под Центральной и Восточной Европой (ЦВЕ) мы имеем в виду 8 постсоциалистических стран (Венгрию, Латвию, Литву, Польшу, Словакию, Словению, Чехию и Эстонию), которые к моменту написания доклада стали членами Европейского союза.

нефтегазового сектора (*Крюков*) и атомной энергетики (*Кирдина, 2004, глава 11*). Обе упомянутые здесь отрасли весьма специфичны в том, что их технологические и финансовые условия неизбежно предполагают активную роль государства, в том числе в качестве собственника активов. Этот фактор существенно ограничивает свободное действие рыночных институтов и механизмов, подводя к выводу о детерминированности централизации и государственного контроля. Поэтому нам кажется важным распространить анализ на такую отрасль сферы услуг, как коммерческое банковское дело. Действующие в этой сфере экономические акторы представляются нам своеобразной антитезой или антиподом концерну «Росэнергоатом» и типичной нефтегазовой компании. Для банков наиболее органичной является частная собственность, причем независимо от ее «национальной принадлежности». Дополнительным аргументом служит то, что вопросы модернизации и институциональных изменений в банковском секторе далеко не решены и сохраняют актуальность.

Мы сопоставляем ход и результаты выхода государства из капитала кредитных организаций в России, странах Центральной и Восточной Европы и в Китае. Изучается взаимосвязь между долей частной собственности в банковском секторе и становлением рыночных финансовых институтов с целью выявления причин пробуксовки рыночных институциональных преобразований в данной сфере. Далее анализируются институциональный тупик смешанной экономики и различные направления выхода из него.

В предпринятом исследовании автор опирается на свой 14-летний опыт практической работы в финансовом секторе, включая Центральный банк страны, международные финансовые организации, частный иностранный банк и частный российский банк. Вместе с тем все высказываемые суждения отражают лишь личную точку зрения автора.

Материал организован следующим образом. В *Главе 2* рассматривается эволюция структуры собственности в банковском секторе. Разгосударствление банковской системы России сопоставляется с аналогичными процессами в странах ЦВЕ и в Китае. *Глава 3* посвящена обзору первых результатов импорта в Россию финансовых институтов рыночной экономики. В *Главе 4* мы анализируем

Введение

основные признаки институционального тупика, в котором оказалась банковская система из-за недореформированного состояния отношений собственности, и оцениваем возможные направления выхода из этого тупика. В *Заключении* суммируются основные соображения и выводы из предыдущих разделов работы.

Автор благодарит проф. Дэниэла Маккарти (Daniel McCarthy) и проф. Шилу Паффер (Sheila M. Puffer) из Северо-Восточного Университета (Чикаго, США) за доброжелательные и конструктивные комментарии к первому проекту данной работы, который был написан на английском языке («Bank privatisation and its institutional effects: Which way is Russia going?») и представлен на международной научной конференции в г. Брайтон (Великобритания) в сентябре 2006 года (*Vernikov*).

Эволюция структуры собственности в банковском секторе

1.1. Разгосударствление банковской системы России

Отказ государства от монополии на банковскую деятельность и начало разгосударствления банковской системы произошли в 1988 году, когда по Закону «О кооперации в СССР» начали возникать банки, основанные частным капиталом. Вскоре появились и первые «коммерческие банки», преобразованные из региональных подразделений государственных спецбанков либо созданные на средства государственных предприятий, производственных объединений, отраслевых министерств и других организаций. На 1 апреля 1992 г. в России было 1414 банков, из которых 767 (55%) — созданных на базе бывших спецбанков (*Захаров, с. 25*). В тот период закон не позволял передать долю государственного имущества в банке в собственность частному лицу, поэтому метаморфозы происходили в рамках государственного сектора.

Термин «разгосударствление» иногда трактуют расширительно, отождествляя его с акционированием государственных банков. Такие способы трансформации собственности на первом (нижнем) уровне банковской системы, как изменение организационной и юридической формы либо акционирование в пользу государственных же предприятий и организаций, не тождественны приватизации. Согласно букве закона, под приватизацией государственного имущества понимается возмездное отчуждение имущества, нахо-

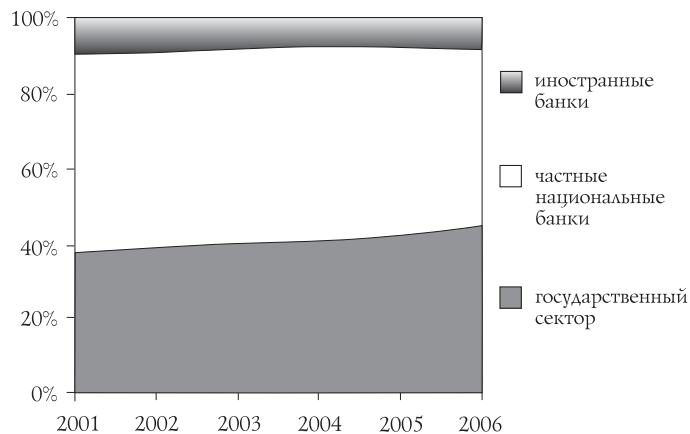
дящегося в собственности Российской Федерации, в собственность физических и (или) юридических лиц. Внесение государственного имущества в качестве вклада в уставный капитал банка, созданного в форме акционерного общества, является предусмотренным в законе способом приватизации («О приватизации...», ст. 13, п. 5). При этом в законе особо не предусматривается ситуация, когда юридические лица, в пользу которых отчуждается государственное имущество, сами контролируются государством или его органами, что размывает основной смысл понятия «приватизация» (выведение имущества из собственности государства и перевод его в частную собственность).

На практике, начиная с 1990-х годов, активно протекала фактическая приватизация банков. Государственные доли в капиталах сотен банков были размыты, выкуплены по номинальной цене и присвоены различными способами высшими менеджерами и другими инсайдерами. Процесс передела собственности не завершен до сих пор³, хотя и не привлекает к себе внимания, потому что в банковском секторе приватизация обходится без шумных публичных скандалов и предполагает согласие всех заинтересованных сторон.

Удельный вес государственного сектора, достигнув нижнего пика на уровне около 30% к 1998 году, после кризиса стал неуклонно возрастать. К началу 2006 года он составил, по нашей оценке, примерно 44%, сравнявшись с долей частного национального сектора (рис. 1). Автор считает заниженной оценку на уровне 34,3%, которую поместили в своем аналитическом обзоре специалисты австрийского банка Raiffeisen (Raiffeisen, 2006, p. 49): уже одна только «большая четверка» (Сбербанк, Внешторгбанк с Внешторгбанком — Розничные услуги и Промышленно-строительным банком, Газпромбанк и Банк Москвы) обладает суммарной рыночной долей 40,7%.

3. В 2002—2004 гг. администрация Новосибирской области лишилась контрольного пакета в банке «Левобережный»: после ряда дополнительных эмиссий её доля сократилась с 54,8% до 36,6%. Планируется еще одна допэмиссия акций банка, которую полностью выкупят новые частные собственники, что сократит долю администрации области еще наполовину («Ведомости-Новосибирск», 21.09.2006, № 177(1704)).

Рис. 1. Структура банковского сектора России
в % от совокупных банковских активов,
на начало соответствующего года
 Источники: данные Банка России; расчеты автора.

При отнесении того или иного банка к государственному сектору для вычисления суммарной доли этого сектора на рынке использовались формальные критерии (состав акционеров) и неформальный критерий: является ли данный банк по своей природе полностью рыночной организацией, основанной на частной собственности физических лиц и не находящейся под влиянием государства, его органов, коммерческих подразделений и отдельных чиновников? В результате к списку добавились несколько десятков кредитных организаций, прежде всего принадлежащих государственным компаниям и предприятиям (ОАО «Газпром», РАО ЕЭС, «Российские железные дороги», «Роснефть», «Транснефть», АЛРОСА и др.) либо контролируемых региональными и муниципальными органами власти (Москва, Татарстан, Ханты-Мансийский АО и другие).

1.2. Альтернативные стратегии разгосударствления банков

После банковского кризиса 1998 года и особенно с начала нового десятилетия рыночная доля банков, принадлежащих государству или контролируемых им, вновь стала повышаться. Пытаясь

выделить основные элементы российской **стратегии разгосударствления банков** (если таковая существует), мы сопоставили два различных типа таких стратегий, на практике применявшихся в европейских странах с переходной экономикой и в Китае (табл. 1). Китайский банковский сектор сталкивается примерно с теми же проблемами, что и все страны на ранних стадиях перехода к рыночной экономике, а китайская модель развития оказывает сильный демонстрационный эффект и обладает притягательностью для реформаторов и антиреформаторов в странах бывшего СССР, особенно в России, Белоруссии и Центральной Азии.

Таблица 1. Стратегии разгосударствления банковского сектора

	Стратегия 1	Стратегия 2
Цель	Полная трансформация отношений собственности	Улучшение функционирования государственных банков, максимизация дохода государства
Вызывается ли банковским кризисом	Обычно да	Нет, но низкое качество активов представляет собой серьезную проблему
Предваряется ли санацией государственных банков	Да	Да
Целевая роль государства	Выход из акционерного капитала коммерческих банков	Сохранение контроля над крупнейшими банками
Целевая роль прямых иностранных инвестиций	Полный контроль над приватизированными банками	Младший партнер государства; источник технологии, капитала и управленческого опыта
Целевая роль иностранных портфельных инвесторов	Второстепенная роль по сравнению со стратегическими инвесторами	Младший партнер государства; источник капитала

Эволюция структуры собственности в банковском секторе

Продолжение таблицы

	Стратегия 1	Стратегия 2
Метод приватизации	Продажа контрольного пакета акций с аукциона	Первоначальное публичное размещение или прямая продажа миноритарного пакета акций; комбинация этих способов
Доходность для бюджета страны	Не является целевой функцией. Иногда нейтральный эффект, если учесть все приведенные затраты на санацию	Высокая доходность, несмотря на издержки санации
Темпы приватизации	Высокие	Низкие
Сопровождается ли открытием банковского сектора для иностранной конкуренции	Да	Да, но постепенно и в небольших дозах
Режим прямых иностранных инвестиций в «нулевые» банки	Сначала рестриктивный, но после приватизации основных госбанков — либеральный	Селективный и рестриктивный; индивидуальный подход к принятию решения о допуске
Является ли приватизация частью комплексного плана по международной экономической интеграции	Да. Вступление в ЕС — важнейший двигатель	Нет, за исключением мер по выполнению требований ВТО
Обратимость	Нет	Да, если результаты деятельности приватизируемых банков окажутся неудовлетворительными с политической или социальной точки зрения

Продолжение таблицы

	Стратегия 1	Стратегия 2
Институциональный эффект	Сильный	Слабый
Страны, осуществлявшие эту стратегию	Чехия, Венгрия, Словакия, Эстония, Литва, Хорватия, Болгария и Румыния; с отдельными оговорками — Польша, Словения и Латвия	Китай; с отдельными оговорками — Россия

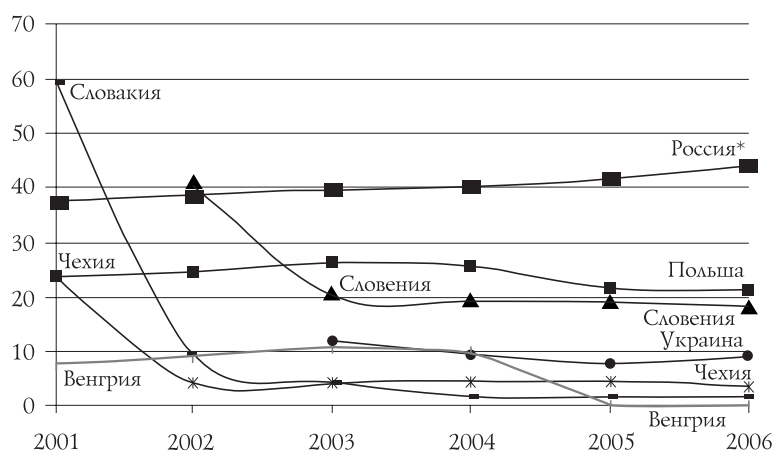
Несмотря на национальную специфику, сценарии разгосударствления банков в большой группе европейских переходных экономик оказались идентичными. Причину этого мы видим в принятии в качестве целевой институциональной системы Европейского союза, куда все эти страны стремятся вступить либо уже вступили. Для тех постсоциалистических государств, для которых вступление в ЕС невозможно в обозримой перспективе либо нежелательно, выбор сценариев шире, и здесь в отсутствие внешнего принуждения и целевого ориентира разгосударствление обычно протекает медленнее.

В европейских переходных экономиках осуществлению Стратегии 1 обычно предшествовал период эволюционного развития банковской системы без проведения радикальных преобразований, основные признаки которого совпадают с установками Стратегии 2. Страны ЦВЕ не сразу решились на полную распродажу своих коммерческих банков иностранному капиталу; в Польше и Словении этот процесс не завершен. Отклонения от Стратегии 1 обычно носили тактический характер и касались темпа преобразований, но не их содержания и конечной цели.

Динамика рыночной доли банков, принадлежащих государству или контролируемых им, стала разнонаправленной в России (рост) и остальных переходных экономиках (последовательная приватизация оставшихся в руках государства банковских акций и долей участия) — (рис. 2). В результате к середине нынешнего десятилетия

структура российской банковской системы заметно отличалась от большинства стран ЦВЕ высоким удельным весом национально-го сектора и низким — иностранного капитала (рис. 3).

Рис. 2. Рыночная доля банков, принадлежащих и/или контролируемых государством
(в % от совокупных активов банковского сектора)
Источники: Raiffeisen, 2006; по России — расчеты автора.

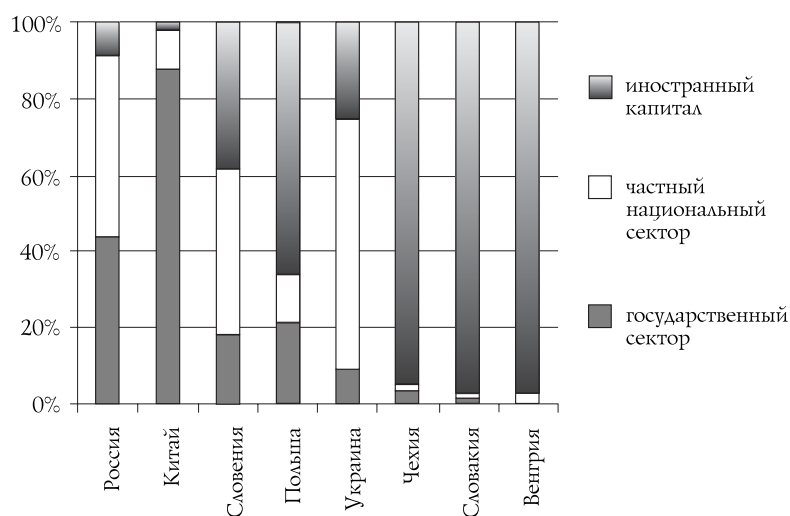
Сравнение структуры кредитной системы России и Китая по форме собственности затрудняется наличием в Китае большего числа организационно-правовых форм банковской деятельности и финансового посредничества (Ивантер; Савинский, с. 62). По нашему мнению, частными финансовыми учреждениями можно считать лишь городские и сельские кредитные кооперативы, тогда как «акционерные коммерческие банки», «городские коммерческие банки», «банки развития», почтово-сберегательные кассы принадлежат к государственному сектору. В России доля частных и иностранных кредитных организаций заметно превышает китайскую. В Китае сохраняется предельный уровень участия иностранного капитала в каждом отдельном китайском банке (25%), причем одному иностранному инвестору не может принадлежать свыше 20% капитала. В России таких лимитов нет, равно как отсутствуют и дискриминационные ограничения для иностранных дочерних банков в отношении круга совершае-

мых операций, использования национальной валюты, количества региональных подразделений, минимального размера капитала.

Рис. 3. Структура кредитной системы

(в % от совокупных активов, на 01.01.2006 г.)

Источники: Raiffeisen, 2006; China Banking Regulation Commission; по России — расчеты автора

На четыре крупнейших государственных банка в Китае приходится 53% совокупных активов, в России — около 41%. Как и Китай, Россия не провела реальной приватизации системообразующих банков, хотя обе страны приложили усилия к их коммерциализации, повышению эффективности деятельности, ответственности за принимаемые решения и иммунитета к прямому вмешательству исполнительной власти. Начали привлекаться внешние источники инвестиций: Китай продал миноритарные пакеты акций в некоторых из крупнейших банков (Bank of China, Industrial and Commercial Bank of China, China Construction Bank)⁴

4. Продажа акций государственных банков иностранным инвесторам приносит казне Китая высокий доход: общий объем осуществленных в 2005 — первой половине 2006 года транзакций оценивается в 19,65 млрд. долл. (*A survey of international banking*, p. 23). Размещение на фондовом рынке акций Industrial and Commercial Bank of China осенью 2006 г. добавило в китайскую казну 19,1 млрд. долл.

и в нескольких банках второго эшелона (Bank of Communications) через фондовый рынок либо напрямую инвесторам. Привлечение внешних инвесторов к капитализации китайских банков не размоет долю госсектора: власти никому не уступают контроль над ведущими кредитными организациями. Аналогичные изменения происходят в России. Не менее 18% акций крупнейшего банка в стране — Сбербанк принадлежит иностранным портфельным инвесторам. Готовится первичное публичное размещение акций второго по величине банка страны — Внешторгбанка. 33% акций третьего по величине — Газпромбанка контролируемая государством компания «Газпром» продала captive пенсионному фонду (возможно, для дальнейшей перепродажи иностранному инвестору). При «разгосударствлении» пирамидальных холдинговых структур, контролируемых государством, кто может продать частному капиталу до половины дочернего банка на любом из уровней, сохраняя достаточный контроль над каждым из них и всей структурой в целом или даже создавая новые низовые ступени пирамиды. На поверхности явлений приток частных инвестиций в капитал таких банков создает иллюзию их «приватизации», хотя государство не расстается с контролем.

В России предпринимались попытки выращивания «национальных чемпионов» и в государственном, и в частном секторах. В Китае усилия по созданию «национальных чемпионов» с самого начала сконцентрировались на государственном секторе, и сохранение национального контроля над банками тождественно государственному контролю. В России упор делается на сохранении «национального контроля» над банковской системой, однако под словом «национальный» подразумевается не только государственный, но и, при соблюдении определенных условий, национальный частный капитал.

Главный же критерий, отличающий одну стратегию разгосударствления от другой, это не темпы приватизации и не доля каждого из секторов, а конечная цель преобразований. Стратегия 1 обычно осуществляется в широком контексте перехода от центрально-планируемой экономики к рыночной, базирующейся на институтах частной собственности, конкуренции и свободы. Стратегия 2 может быть элементом плана модернизации экономики, не предполагающего смены социально-экономической парадигмы. Осуществление Стратегии 2 отмечено в странах (в первую очередь в Китае),

которые в стратегическом плане не видят необходимости в приватизации своих банков.

Итак, фактически возникшая в России структура собственности в банковском секторе не вписывается в рамки какой-либо из двух альтернативных стратегий. Россия пошла значительно дальше Китая в либерализации банковской системы и допуске иностранного капитала, однако остановилась примерно на половине пути, отделяющего ее от другого полюса (радикальная приватизация и интернационализация, как в ЦВЕ). И все же, если считать критерием конечную цель реформ, то мы видим большую степень сходства с китайской моделью, чем с восточноевропейской. Четко вырисовываются две целевые установки: сохранить контроль над крупнейшими банками, но при этом максимизировать финансовый результат от их частичной приватизации.

Наблюдающееся в 2005-2006 гг. поглощение российских банков иностранными не изменяет глобального соотношения между государственным и частным секторами. Экстраполяция нынешних тенденций в результате может дать банковскую систему, состоящую из двух секторов — государственного и частного, представленного узким кругом «допущенных» на российских рынок иностранных банков. Их устойчивый симбиоз лишь на первый взгляд представляет собой парадокс: огосударствленная экономика не исключает преференциального доступа на рынок и процветания отдельных, одобренных государством и лояльных иностранных банкиров. Ведущую роль будет играть, разумеется, государственный сектор ввиду гипертрофированного значения, которое придается «сохранению национального контроля над банковской системой».

Импорт финансовых институтов: первые результаты

В течение 90-х годов прошлого столетия европейские постсоциалистические страны и Россия осуществили масштабный импорт формальных институтов, регулирующих отношения между людьми и другими акторами в сфере финансов и банковской деятельности. Начав со структурирования двухуровневой банковской системы и укрепления независимости центрального эмиссионного банка, страны с переходной экономикой затем внедрили целые блоки гражданского законодательства и создали совершенно новые государственные учреждения. Модификация существующих институциональных комплексов осуществлялась через **заимствование (импорт) институтов**, то есть сознательное копирование формальных норм и правил поведения одного общества и перенос в другое. Содержание и результаты этого процесса оказались различными в странах Центральной и Восточной Европы и в России.

Страны ЦВЕ имплантировали полный набор формальных институтов, составляющих европейский *acquis communautaire*. Это свод законов и правил, регулирующих в числе прочего банковскую деятельность, функционирование фондового рынка, функции центрального эмиссионного банка, конкуренцию на рынке финансовых услуг, режим иностранных инвестиций в банковский сектор, защиту частных банковских вкладов, защиту банковской тайны, противодействие отмыванию незаконно полученных доходов и т. д. Импорт институтов позволил нескольким постсоциалистическим странам

в намеченные сроки присоединиться к Европейскому союзу и ускорить процессы конвергенции с Западной Европой. Об успехе или неуспехе институциональных преобразований в странах ЦВЕ и об издержках для общества в целом можно будет судить лишь спустя некоторое время, однако уже сегодня можно констатировать относительную бесконфликтность введения новых (или хорошо забытых старых) институтов.

Опыт стран ЦВЕ показал, что структура рынка банковских услуг с точки зрения формы собственности имеет значение. Принятие новых законов и правил способно качественно изменить ситуацию, только если находится достаточное число акторов — участников рынка, готовых признать новые институты и применять их. Эта проблема выходит на первый план при смене парадигмы общественного развития, которая имела место в постсоциалистических странах.

В первой фазе перехода стран ЦВЕ от распределительной экономики к экономике рыночного типа институты рыночной экономики плохо приживались, отторгались и ассимилировались. Банки, оставшиеся в собственности государства и государственных организаций, продолжали выделение политически и коррупционно мотивированных кредитов, что приводило к накоплению банками активов низкого качества и к кризисам, подрывая доверие к финансовой системе и усложняя макроэкономическую стабилизацию. Санация государственных банков проводилась на средства из государственного бюджета, усугубляя проблему *moral hazard*. Банки не оказывали необходимой финансовой поддержки частному сектору экономики и сектору домашних хозяйств; непропорционально большая доля ресурсов продолжала поступать нежизнеспособным государственным предприятиям либо вкладывалась в государственные ценные бумаги. К середине 90-х годов все страны ЦВЕ убедились в существовании пределов «коммерциализации» работы государственных банков и в бесперспективности и опасности недореформированного состояния банковской системы, генерировавшего макроэкономическую нестабильность. Сейчас эксперты признают, что откладывание приватизации банков «на потом» было ошибкой: финансовая и особенно банковская система представляет собой наиболее уязвимую часть переходной экономики, а потому должна быть реконструирована до начала приватизации промышленности (Колодко, с. 119).

Страны ЦВЕ пошли на радикальное изменение состава участников рынка через смену доминирующей формы собственности в банковском секторе, то есть приватизацию. Поскольку «выращивание» частного банковского капитала внутри страны потребовало бы длительного времени и сопровождалось бы значительными общественными издержками без гарантии положительного результата, то трансформация собственности произошла с помощью иностранного банковского капитала. Появление на рынке акторов нового типа, совокупный удельный вес которых с запасом превысил критическую массу, совершило перелом в восприятии новых «правил игры» — верховенства закона, законопослушания, конкуренции, отсутствии преференций, прозрачности процедур, отказа от коррупции, полной ответственности за результаты своей хозяйственной деятельности, демонтажа протекционистских ограничений в пользу национальных участников, невмешательства государства. Возник синергетический эффект от взаимодействия акторов нового типа друг с другом, что ускорило адаптацию к рыночным институтам всех остальных действующих лиц, включая регулирующие и контрольные органы. После продажи ведущих банков иностранным владельцам банковские кризисы в странах ЦВЕ прекратились, а доверие к национальной финансовой системе окрепло. Банки, принадлежащие иностранному капиталу, воспользовались своей свободой от неэкономической мотивации при размещении ресурсов, свойственной государственным банкам. Заметно сократились масштабы такого явления, как «связанное кредитование», потому что иностранные банки обладают иммунитетом к нему: они не являются частью финансово-промышленных групп и обычно не владеют нефинансовыми активами. Есть эмпирические свидетельства роста эффективности банков после их перехода к иностранным владельцам (*Weill; Fries & Taci; Bonin, Hasan & Wachtel; Hasan & Marton*).

В **России** возникли и получили развитие такие новые для нашей страны финансовые институты, как государственное страхование частных вкладов, банковская тайна, бюро кредитных историй, залог по кредиту, банкротство, институты срочного рынка и рынка производных инструментов, кредитные рейтинги, пруденциальное регулирование, противодействие «отмыванию» преступных доходов. Заимствование институтов происходило несистемно путем случай-

ного выбора обществ-«доноров» и в отсутствие единого целевого ориентира — такого, каким для стран ЦВЕ и Юго-Восточной Европы стала институциональная система Западной Европы. Так, основная часть гражданско-правовых институтов, имеющих отношение к банковскому делу, была позаимствована в странах континентальной Европы, а уложения, регулирующие фондовый рынок и корпоративное управление, — из стран англосаксонской системы права.

На величину общественных издержек по введению импортных институтов влияет близость общих тенденций развития и внутренней логики между такими институтами и традиционными нормами поведения. О масштабах этих издержек можно косвенно судить по стоимости содержания бюрократического аппарата, призванного обеспечить соблюдение новых институтов (Олейник, 1997, с. 21). Например, возрастающее количество сотрудников Банка России и других государственных служащих, осуществляющих надзор за деятельностью банков (пруденциальный надзор, валютный контроль, финансовый мониторинг и противодействие легализации преступных доходов, арбитраж, банкротство, удовлетворение требований вкладчиков и кредиторов), свидетельствует о неготовности и нежелании участников рынка добровольно воспринять формальные законы и правила поведения на финансовом рынке⁵.

В результате частичного разгосударствления банков в России сохранилась проблема **неполноты прав собственности**. Это общая и типичная для развивающихся и переходных экономик проблема, однако в России существующие в общественном сознании стереотипы препятствуют признанию полной легитимности *любой* крупной частной собственности, тем более полученной в ходе явной или скрытой приватизации. Неполнота прав собственности связана и с теми методами, которыми принадлежащие государству активы и фонды банков были переведены новым собственникам. Основной этап трансформации собственности пришелся на первую половину

5. Например, с января по сентябрь 2006 г. Банк России отозвал около 50 банковских лицензий, в большинстве случаев за легализацию незаконно полученных средств и участие в других криминальных схемах. С полулегальными операциями в той или иной мере ассоциируются десятки других банков, что свидетельствует о массовости оппортунистического поведения акторов по отношению к российским законам.

90-х годов. «Коммерческие» банки не подлежали ваучерной приватизации, поэтому собственность была переделана менее транспарентными методами. Вот мнение В.М. Новикова о коммерческих банках «первой волны», многие из которых прекратили существование после кризиса 1998 года: «Объективно отечественный банковский капитал не имеет частной ссудной основы... Его генезис имеет казенное государственное, а следовательно, политическое происхождение. Он порожден не в процессе конкуренции индивидуальных капиталов, но в результате политических решений. Источник капитала российских банков — это скрыто приватизированные общенациональные кредитные и финансовые ресурсы, сформированные за счет средств налогоплательщиков, основных и оборотных фондов и других целевых накоплений предприятий, общественных организаций, фондов и личных сбережений населения, аккумулированных государством и его институтами...» (*Банковские системы...*, с. 5).

Многие из частных российских банков правильнее было бы называть квазичастными: они выращивались на государственные средства и имели возможность получать высокую прибыль на операциях со счетами государственных органов и предприятий и с государственными ценными бумагами, обслуживании государственной внешней и внутренней задолженности. Для описания отношений собственности, сложившихся на предприятиях в результате преобразования государственной собственности, экономисты ввели термин «рекомбинированная собственность», означающий «несовпадение реальных и легально закрепленных прав собственности, размытость механизмов контроля и организационных границ предприятия» (*Старк, 1996; Олейник, 2005, с. 131—132*).

Одно из проявлений неполноты прав собственности мы видим в том, что общество в лице государства не признает за частными собственниками банков полного права на самостоятельные решения и распоряжение своей собственностью. Общество ожидает от банков, в том числе и частных, не только и не столько максимизации прибыли (такая мотивация как раз осуждается) и не формального выполнения законов и правил, а «понимания» и «сопричастности» ко всем социально-экономическим и политическим проблемам. По мнению политического руководства страны, частный банковский капитал должен финансово поддерживать все инициативы

правительства и нести «социальную ответственность»⁶. На практике эти правильные в целом тезисы могут конкретизироваться в убыточное для банка обслуживание отдельных категорий населения, невыгодное или невозвратное кредитование произвольно отобранных чиновниками «национальных проектов», социальной инфраструктуры и престижных культурно-зрелищных объектов, содержание нерентабельных филиалов в сельской местности; в требованиях финансовой «помощи» высокорискованным регионам страны. При оценке деятельности банковской системы в целом и отдельных категорий банковских учреждений осуждается нежелание банка заниматься непрофильной или непродуктивной деятельностью, которую государство почему-либо считает необходимой и полезной. Российская культурная традиция привносит этические и иные неэкономические критерии в общественную оценку любого вида деятельности, включая банковскую, никуда не исчезла. Неэкономическая мотивация входит в противоречие с нормальной для частной фирмы мотивацией, однако под давлением институциональной среды банки вынуждены во многих случаях отходить от критериев эффективности при принятии решений на микроуровне. Сомнение в готовности иностранных банков «действовать в национальных интересах» принимающей страны, то есть выполнять политические поручения государственных чиновников и размещать финансовые ресурсы на частично безвозвратной и неоплатной основе, является в России глубинной причиной недоверия к иностранному капиталу и стремления сохранить критическую массу послушных кредитных организаций. В обмен на лояльность государство готово защищать «свои» банки от иностранной конкуренции и мириться с их низкой эффективностью.

Общественные институты, обеспечивающие соблюдение законов и исполнение контрактов, в том числе и в финансово-бан-

6. Обратим внимание на модальность долженствования в обращении Президента Российской Федерации к представителям банков: «...Разумеется, банки *должны* (*курсив мой*. — А. В.) активнее подключаться и к реализации приоритетных национальных проектов, о которых я уже упомянул. Вам известно, что определены меры по созданию финансовых стимулов для развития сельхозпроизводства и подъема сельских территорий. Уже в 2006—2007 годах предстоит создать полноценную систему земельно-ипотечного кредитования. Думаю, Россельхозбанк *не должен* (*курсив мой*. — А. В.) оставаться единственным участником этой работы. ... Хотелось бы, чтобы банки проработали и свои собственные инициативы по названным мною направлениям» (*Совещание...*, с.6).

ковской сфере, проходят в России сложный период становления. Принципы верховенства закона и равенства всех участников рынка перед законом вступают в противоречие с «сетевой» организацией общества, где доминируют неформальные (теневые) институты и нормы поведения. Банковское законодательство регулирует лишь часть из реально складывающихся отношений. Традиция нигилистического отношения к закону позволила банкам систематически помогать своим клиентам в уклонении от требований налогового, валютного, трудового, корпоративного и иного законодательства. При случае и сами банки демонстрировали оппортунистическое поведение.

Так, ситуация со срочными валютными контрактами, которые российские банки отказались исполнять после кризиса августа 1998 года, стала популярной иллюстрацией для различных институционалистских построений. Авторы учебника «Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки и контракты» полагают, что ситуация с форвардными контрактами показывает, что «институт используется с неожиданной стороны» (Кузьминов и др., 2005, с. 164). По мнению А. Н. Олейника, импорт в Россию институтов срочного валютного рынка привел к расхождению между формальными и неформальными регуляторами этого типа сделок, что в свою очередь, устранило возможность эффективной правовой защиты прав одной из сторон (Олейник, 2005, с. 215—216). Однако мы не можем согласиться с тем, что в российских законах, прежде всего в Гражданском кодексе, отсутствовали нормы, позволяющие регулировать срочные сделки. Такие общие нормы контрактного права, безусловно, имелись, и при наличии доброй воли к исполнению сделок эти сделки исполнялись бы. Вопрос заключался в произвольной и оппортунистической трактовке форвардных контрактов как сделок пари, не позволяющей принудить вторую сторону к их исполнению.

С точки зрения институционального анализа история с форвардными контрактами иллюстрирует два тезиса. Во-первых, российские банки (как частные, так и государственные) показали пример оппортунистического поведения, использовав несовершенство российского законодательства и правоприменения для ухода от ответственности перед партнерами по добровольно принятым

на себя безусловным обязательствам. Форма этих обязательств действительно отражала деловую культуру и традиции зрелых рыночных экономик, а не России, однако их смысл был очевиден всем сторонам и полностью признавался ими до момента дефолта, поэтому применение простого базового принципа «договоры должны выполняться» исключило бы оппортунизм.

Во-вторых, оппортунистическое поведение присуще в России отнюдь не только актерам на микроуровне. Ключевую роль в отторжении и уничтожении института срочных валютных контрактов сыграла позиция, занятая различными ветвями государственной власти — как исполнительной, так и судебной. Понимая, что принуждение к исполнению форвардных контрактов крайне невыгодно российским банкам (а это произошло по их собственной вине из-за неумения управлять рисками и авантюрной политики), государственные органы, по сути дела, проводили линию молчаливого попустительства и поощрения оппортунистов. Именно решения судебных инстанций лишили форвардные контракты легальности, причем для коррекции этой юридической коллизии ничего не было предпринято⁷. На иностранные банки, не согласившиеся «простить» требования по форвардным контрактам, было оказано давление. Мотивация целесообразности (спасти российские банки от крупных убытков и, возможно, от банкротства; сохранить национальных участников банковского рынка от их поглощения иностранными конкурентами) возобладала над базовыми принципами легальности (законности). Всем участникам экономических отношений был послан четкий сигнал: «договоры должны соблюдаться» в России лишь при условии, что их соблюдение не противоречит политическим приоритетам властей и выгодно влиятельным местным актерам.

7. По мнению Л. Балаяна, «участниками рынка производных финансовых инструментов заключаются сделки и совершаются юридически значимые действия, не противоречащие законодательству. Основания квалифицировать такие сделки как связанные с играми или пари отсутствуют. Следовательно, в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, вытекающих из этих сделок, тем лицам, чьи права были нарушены, должна предоставляться судебная защита, предусмотренная ст. 12 ГК РФ. Однако в июне 1999 г. президиум Высшего арбитражного суда РФ принял постановление № 5347/98, которое объявило сделки на разницу разновидностью игровых сделок. Арбитражные суды стали ссылаться на ст. 1062 ГК РФ и отказывать истцам в судебной защите» (Национальный банковский журнал, № 9(32), сентябрь 2006 года, с. 65).

Приведем еще один пример того, как в России сочетаются формальные и неформальные правовые институты. Вот изложение позиции высших должностных лиц государства: «По поводу филиалов иностранных банков хочу вас проинформировать — и вы знаете об этом, но хочу подтвердить, — что Правительство Российской Федерации согласно с нашим банковским сообществом в том, что филиалы иностранных банков, их деятельность в Российской Федерации должна быть сегодня ограничена, по сути, она должна быть запрещена» (Совещание., с. 31). Между тем ни один из действующих сегодня российских законов не запрещает создавать филиалы иностранных банков; эта организационно-правовая форма прямо предусмотрена в законодательстве («О банках и банковской деятельности», ст. 2). Выдвигаемый тезис о запрете на создание филиалов не сопровождается внесением корректив в действующее законодательство, позволяющее создавать такие филиалы. Независимо от экономического существа вопроса, налицо рассогласование между формальной нормой права и неформальным российским правилом, согласно которому облеченные властью государственные чиновники по своему усмотрению определяют, что для страны «полезно» и «приемлемо».

Развитию правовых институтов, защищающих права банков-кредиторов как собственников финансовых ресурсов (кредитов), не способствует сохранение в экономике высокой доли государства. При кредитовании государственным банком государственного предприятия или органа исполнительной власти возникает неустрашимый конфликт интересов, у обеих сторон отсутствует стимул использовать формальные (судебные) механизмы для урегулирования всех вопросов и разрешения споров.

Конкуренция предполагает набор специфических институтов рыночного типа, функционирование которых требует постоянной поддержки со стороны государства. Становление конкурентных отношений в России затруднено тем, что они не конгруэнтны традиционным институтам и не согласуются с гораздо более мощными и древними традициями патернализма и этатизма, подавляющими конкуренцию. Экономической свободе и свободе конкуренции в России противостоит сетевая организация общества, когда «чужие» не пользуются доверием и не могут претендовать на равенство

условий. Российский этос придает большую ценность личным заслугам и человеческим взаимоотношениям (*Автономов*). Сговор является фактически нормой деловой этики, а конкуренция воспринимается как нечто нежелательное, несправедливое и антиобщественное, потому что мешает оказать предпочтение «правильному» партнеру.

На макроуровне об интенсивности конкуренции в банковском секторе могут свидетельствовать величина и динамика банковской процентной маржи (разницы между средними ставками кредитования и ставками привлечения депозитов). К. Дракос исследовал динамику чистой процентной маржи в 1993—1999 гг. в одиннадцати странах с переходной экономикой и пришел к заключению, что по всей выборке банков маржа сократилась, причем принадлежащие государству банки работали на более узкой марже (*Drakos*). После макроэкономической стабилизации банковская маржа сжимается во всех странах независимо от доли частных и иностранных банков. Однако межстрановое сопоставление позволяет предположить, что в переходной экономике высокая доля национального сектора — как государственного, так и частного — в банковской системе часто приводит к сохранению аномально широкой банковской маржи (*Верников*, с. 165—168). В России банковская маржа оставалась шире, чем в переходных экономиках Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (кроме Хорватии).

С. Дробышевский и С. Пащенко изучили структуру российского банковского сектора с помощью методологии, основанной на моделях теории отраслевых рынков (модель Бреснахана и модель Барроса-Модесто). Анализ показал, что рынок является крайне сегментированным и, несмотря на большое количество участников, остается сильно монополизированным, что во многом объясняется доминирующей ролью государственных банков на некоторых сегментах рынка. Существуют сегменты как с интенсивной, так и со слабой конкуренцией. Наиболее высокая конкуренция сложилась на рынке депозитов физических лиц и в обслуживании ограниченного круга привлекательных корпоративных клиентов; в остальных сегментах рынка среда остается слабоконкурентной. По мнению С. Дробышевского и С. Пащенко, наличие в банковском секторе многочисленных групп банков, не испытывающих конкурентного давления, может приводить к неверным выводам при анализе

конкуренции во всей банковской системе и является весомым аргументом в пользу проведения максимально дезагрегированного анализа (Дробышевский и Пащенко, 2006, с. 97).

В Россию был импортирован характерный для зрелых рыночных экономик **институт страхования частных банковских вкладов**. В условиях, когда на момент запуска системы страхования вкладов почти 60% частных вкладов находилось в государственном Сбербанке, предоставление двойной гарантии государства было излишним и вызвало сопротивление самого Сбербанка. О том, насколько полезен для России институт государственного страхования частных вкладов, можно будет судить лишь по прошествии определенного периода, который должен включать разные фазы экономического цикла. Но уже первые наблюдения показывают: накладываясь на российские традиции, действие этого института может оказаться не таким, как в рыночных экономиках, и вместо дисциплинирования акторов — как вкладчиков, так и банков — привести к прямо противоположным последствиям. После введения страхования вкладов ускорился приток частных сбережений в частные банки, предлагающие наиболее высокие депозитные ставки, то есть по определению к наименее качественным финансовым посредникам. Экономическая ответственность индивида за принимаемые им решения размывается, и рациональным поведением становится не принятие на себя осознанных рисков в координатах «надежность-доходность», а максимизация текущей доходности в пределах подлежащей возмещению суммы.

Господство патерналистской модели отношений между гражданином и государством, а также размытость институтов частной собственности, обременение их морально-этическими нормами помешали становлению в России и некоторых других важных институтов, предполагающих личную ответственность человека за свои действия, например **института личных банкротств** и продажи личного имущества за долги. При возникновении конфликтов, связанных с невозвратом ипотечного кредита, кредита на неотложные нужды или на приобретение товаров длительного пользования, неформальные институты поддерживают скорее должника, а не кредитора, и органы правосудия не могут полностью абстрагироваться от этой реальности, особенно если проблема приобретет значимый

для общества масштаб. Понимая это, банки вынуждены закладывать повышенную оценку риска в стоимость кредитов физическим лицам, что, в свою очередь, может при определенных обстоятельствах предоставить дополнительные морально-этические основания для невозврата кредита. На готовность государственных банков отстаивать свои права кредитора может оказать воздействие политическая конъюнктура: так, в предвыборный период взыскание просроченной задолженности еще более затруднительно, чем обычно.

Институт банковской тайны также оказался не вполне органичен для России, где гипертрофированные представления о государственной и служебной тайне сочетаются с отсутствием уважения к частной жизни граждан и тайне их финансовых дел. Большое число ведомств и организаций уже уполномочены на получение сведений, составляющих банковскую тайну, без должной ответственности за возможную утрату и «утечку» этих сведений. Не прекращаются попытки дальнейшего размывания этого важного института под предлогом усиления борьбы с так называемым «обналичиванием средств» (понятие, отсутствующее в Уголовном кодексе).

Сфера действия **института банкротства** применительно к банкам ограничена негосударственным сектором. Государство не заинтересовано в уходе принадлежащих ему банков с рынка, независимо от финансовых результатов деятельности. Теоретически каждый банк является независимой компанией, по обязательствам которой государство отвечать не обязано, однако фактически в государственном секторе банковской системы сохраняются мягкие бюджетные ограничения. При возникновении у государственных банков финансовых затруднений им выделяются общественные ресурсы, тем более если причиной стали действия (бездействие) самого государства как собственника, регулятора и экономического субъекта. После дефолта по государственным ценным бумагам в 1998 году государственные банки, имевшие в своих портфелях большие объемы этих инструментов, получили регуляторную и прямую финансовую поддержку со стороны государства и благодаря этому избежали банкротства.

Формально в России были введены свойственные рыночной экономике **институты корпоративного управления** — кодексы корпоративного поведения, механизмы защиты прав миноритарных

акционеров и мелких инвесторов, раскрытие финансовой и иной отчетности, выборные советы директоров, «независимые» директора, контроль над конфликтами интересов при принятии решений. Чем раньше страна проводит масштабную приватизацию, тем раньше она сталкивается с проблемами корпоративного управления и контроля; тем более развитым со временем становится соответствующее законодательство (*Экономико-правовые факторы и ограничения в становлении моделей корпоративного поведения*, с. 194).

Несмотря на высокую концентрацию собственности, в России — как и в других переходных экономиках — пока не возобладали никакая-либо из стандартных моделей корпоративного управления. По мнению Ш. Паффер и Д. Маккарти, предпочтение поначалу отдавалось англо-американской модели, в центре которой находится агентская теория. Однако в России отсутствуют или не развиты общественные институты, которые должны дисциплинировать компании и диктовать им соблюдение правил игры. В связи с этим национально-специфическая модель корпоративного поведения начала тяготеть не к англо-американской, а к германо-японской модели, опирающейся на сетевые структуры общества (*networks*) и ставящей во главу угла интересы всех заинтересованных сторон — стейкхолдеров (*stakeholders*), а не интересы лишь частных акционеров (*Puffer & McCarthy*). Случайность выбора институтов корпоративного управления для импорта в Россию усложнила процесс согласования с традиционными институтами и нормами поведения, некоторые из которых (отсутствие доверия, закрытость и манья секрета, непрозрачность, опора на личные связи и сетевые связи, правовой нигилизм) замедляют формирование эффективной национальной модели и ее добровольное принятие участниками рынка (*Автономов; Прохоров; Greif; McCarthy & Puffer*).

В банковском секторе причина того, что действие механизмов корпоративного управления остается ограниченным и формальным, заключается в степени концентрации собственности. Корпоративное управление представляет собой набор институциональных механизмов, обеспечивающих защиту собственности большого числа инвесторов и гармонизацию интересов между разными категориями инвесторов и стейкхолдеров. Следовательно, истинный спрос на такие механизмы возникает там и тогда, когда совладельцев банка

много и они представляют различные категории. Однако все без исключения российские банки, которые существуют в правовой форме открытых акционерных обществ, олицетворяют лишь одну из двух наиболее распространенных в современном мире моделей корпорации — ту, в которой собственность сконцентрирована в руках доминирующих держателей крупных пакетов акций блокхолдеров (*blockholders*)⁸. Они оказывают решающее воздействие на управление и стратегию компании, имеют возможность формировать и возглавлять советы директоров, назначать высших менеджеров. В отсутствие в России «семейного» или «династийного» бизнеса блокхолдером может выступать как частное лицо или узкая группа тесно связанных между собою лиц-партнеров, так и государство. В банковском секторе нет *ни одной* корпорации с распыленной собственностью. В самом ориентированном на фондовый рынок российском банке — Сбербанке 63,8% голосов контролируется одним блокхолдером — Центральным банком России.

Как и любая модель корпоративного управления, модель с высококонцентрированной собственностью тоже несет в себе проблему отделения собственности от контроля и проблему *entrenchment* («окапывания»). Проблема отделения собственности от контроля состоит в том, что государство неэффективно управляет своей собственностью. Иногда это результат некомпетентности и недостатка ресурсов, иногда связано с коррупцией, которую инициируют оппортунистически настроенные менеджеры. В результате банки с крупными госпакетами акций не всегда ориентируются в своей деятельности на интересы государства, не выплачивают адекватные дивиденды.

К «окапыванию» против остальных акционеров прибегают блокхолдеры, не желающие расставаться с полным контролем над компанией в случае «размывания» их доли и изменения состава

8. Ранее теоретики менеджмента считали, что в модели управления корпорацией главный конфликт происходит между инсайдерами и аутсайдерами. Согласно этой дефиниции, в России сформировалась «инсайдерская» модель корпоративного управления (*Дерябина, с. 21*). Сейчас на роль основного критерия все больше выдвигается степень концентрации собственности внутри компании. Подробнее о современных моделях корпораций и об основных конфликтах в сфере корпоративного управления см. в обзоре Р.И. Капелюшников «Концентрация собственности и корпоративное управление» (*Капелюшников, 2005*).

акционеров. Даже выйдя из капитала некоторых банков, государство сохранило контроль над ними⁹. Механизм контроля может сводиться к обладанию «золотой акцией» либо к неформальным каналам воздействия на стратегию и политику банка со стороны органов власти, в том числе на региональном и муниципальном уровнях. Распространенным способом «окапывания» государства как блокирующего акционера является построение холдинговых структур пирамидальной формы, когда государству принадлежит контрольный пакет акций в одном банке, который в свою очередь контролирует другой (формально независимый) банк, и так далее¹⁰.

-
9. Лишившись контрольного пакета в банке «Левобережный», администрация Новосибирской области сохранила большинство в совете директоров (*«Ведомости — Новосибирск»*, 21.09.2006, №177 (1704)).
 10. Концерн «Газпром» владеет Газпромбанком, контролирующим банки, у которых в свою очередь тоже есть дочерние банки, и так далее. Еще пример: государственный Внешторгбанк контролирует розничный банк Внешторгбанк-РУ и дочерние банки в Великобритании, Грузии, Армении, на Украине и в других странах, причем британский Moscow Narodny Bank Ltd. в свою очередь выступает как головной банк холдинга, включающего учреждения во Франции, Германии, Австрии, Люксембурге, Сингапуре, Швейцарии и на Кипре. Далее, в России действует «внучатый» «Еврофинанс-Моснарбанк», акционерами которого являются, помимо самого ВТБ, его дочерние банки в Великобритании и Франции.

Пути выхода из институционального тупика

Как отмечалось в Разделе 2, Россия проводит свою стратегию частичного разгосударствления банков, отличную от других переходных экономик. На сегодняшний день ее результатом стала банковская система без явного лидерства какой-либо из форм собственности — государственной, национальной частной или иностранной. Удельный вес частных банков в России сопоставим с долей государственных банков (примерно 55% на 45%, если объединить долю национального и иностранного частного секторов). Базовый для распределительной экономики институт государственной собственности утратил здесь доминирующее положение, но и институт частной собственности также не стал полностью доминирующей формой. Возникла тупиковая ситуация. Сосуществование институтов централизованной экономики и рыночных институтов приводит к кумулятивному действию присущих каждому из них недостатков. Не подвергнутые рыночной дисциплине государственные банки закрепляют свое олигопольное положение на рынке и максимизируют свою «прибыль» за счет общества. Частные же банки действуют в неконкурентной среде под прикрытием патернализма и протекционизма и превращаются в младших партнеров госсектора, не неся при этом ответственности за результаты экономической политики и состояние инвестиционного процесса, как это имеет место при социализме.

Постепенное спонтанное изменение стереотипов поведения и мотивации нынешнего состава участников рынка обяза-

тельно ведет к укреплению рыночных институтов. Консервация структуры собственности на руку традиционно существующим культурным нормам и институтам, в то время как рыночные институциональные формы не могут опереться на базовый для рыночной экономики институт частной собственности в банковском секторе. Конфликт между традиционными и импортными финансовыми институтами не получает разрешения либо заканчивается реваншем традиционных институтов централизованной распределительной экономики. По мнению Р.И.Капелюшникова, в России сформировалась весьма специфическая институциональная модель, которая может быть определена как «стационарно переходная». Ее отличительный признак — доминирование неформальных отношений во всех звеньях хозяйственного механизма. В долгосрочной перспективе она представляет собой институциональную «ловушку», выход из которой на траекторию устойчивого динамического развития затруднен. Завершение переходного процесса невозможно без кардинальных изменений в деятельности дисциплинирующих механизмов, призванных обеспечивать выполнение законодательных и контрактных установлений (Капелюшников, 2001).

Двоевластие редко бывает устойчивым, и рано или поздно контроль над банковским сектором должен постепенно перетечь к одному из полюсов. Здесь возможен регресс и прогресс. Регресс — это возврат к огосударствлению банковской системы и выдавливание частного капитала из этой сферы деятельности. В период параллельного существования неизбежна определенная дискриминация частного сектора со стороны государства и его органов, в силу конфликта интересов между государством как собственником и государством как регулятором и пользователем банковских услуг. Государство и правительство принимают непосредственное участие в расширении государственного сектора банковской системы. Исторически присущее нашей стране огосударствление экономики по сей день питает мощные этатистские тенденции (Нестеренко, с. 55—56). В свете некоторых исторических аналогий («угар НЭПа») восстановление роли государства как собственника средств производства и финансовых активов выглядит логично.

Альтернативный выход из тупика смешанной экономики заключается в сознательном, целенаправленном воздействии на со-

став участников рынка с целью расширения рыночного сектора. Ввиду структуры российского рынка банковских услуг выполнение этого требования возможно только через заметное снижение удельного веса госсектора, то есть **приватизацию** ключевых банков и добровольный отказ от создания новых под эгидой государства. Попытаемся рассмотреть некоторые из возникающих в этой связи теоретических и практических вопросов:

■ возможно ли решить задачи приватизации *без* утраты государственного контроля над ключевыми кредитными организациями?

■ может ли частная форма собственности на финансовые активы и банковские учреждения служить базовым экономическим институтом для конкретного общества — российского?

■ существуют ли пределы приватизации и возможно ли полное господство частной собственности в банковском секторе страны?

■ через какие финансовые инструменты государство будет проводить собственную структурную, социальную, региональную и иную политику?

■ способен ли национальный капитал быть основой частного сектора?

■ может ли импорт финансовых институтов сопровождаться импортом акторов?

Природа фирмы (организации) детерминирована формой собственности. Кардинальное изменение мотивации и стереотипов рыночного поведения зависит от изменения формы собственности и не может быть обеспечено каким-либо иным способом. Значит, приватизация неизбежно предполагает переход *контроля* над банком от государства к частному собственнику. На шкале от 0% до 100% собственности есть точка, после которой тот или иной акционер начинает оказывать влияние на принимаемые решения, изменяя характер организации и стереотипы ее рыночного поведения. На точное расположение такой «точки контроля» влияет вся совокупность национальных институтов: чем более зрелыми являются институты права, корпоративного управления и защиты собственника, тем меньшая доля капитала компании требуется для оказания влияния на принимаемые решения. Некоторые зарубежные эксперты

полагают, что для иностранного акционера банка в стране с переходной экономикой водораздел проходит на уровне 30% акций (*Grigorian & Manole*). Практика свидетельствует скорее о правоте тех, кто считает, что для контроля со стороны иностранного акционера (акционеров) планка должна находиться на уровне не ниже 50% (*Bonin et al., 2005*). По России эта величина гораздо выше, эмпирическое подтверждение чему мы находим в структуре иностранных инвестиций в банковский сектор России: 82,6% всей суммы накопленных иностранных взносов в уставные капиталы банков приходится на 100%-ные дочерние учреждения. Эмпирические исследования показывают, что доходность банка прямо пропорциональна, а рискованность проводимой банком политики обратно пропорциональна уровню иностранной собственности (*Choi & Hasan*).

Профиль иностранного инвестора (финансовый или стратегический инвестор?) имеет не меньшее значение, чем величина пакета акций. Выделяются две категории банков, находящихся преимущественно в иностранной собственности: (а) те, в которых есть один стратегический иностранный инвестор, то есть находящиеся в основном в иностранной собственности и контролируемые единым владельцем, и (б) те банки, в которых нет такого контролирующего владельца (*Bonin et al., p. 35*). Даже контрольный пакет акций в руках портфельных инвесторов не обязательно позволяет им контролировать организацию, если этот пакет распылен между несколькими инвесторами, — контроль фактически остается у государства через сохраняющееся участие в банке или у высшего менеджмента.

Этот тезис имеет прямое отношение к протекающему сейчас в Китае и в России процессу привлечения частных портфельных инвестиций в государственные банки. Как «коммерциализация» деятельности государственных банков, так и продажа миноритарных пакетов их акций через фондовый рынок имеют свои пределы в изменении корпоративного поведения и культуры данных организаций. Ключевое понятие здесь — **контроль**. Без смены контролирующего собственника природа организации не изменяется, а изменения в методах управления сохраняют обратимый характер. Если государственные банки под влиянием иностранных акционеров перестроят свою кредитную и тарифную политику и это вызовет массовое недовольство населения, банкротство или недофинансирование государст-

венных предприятий и программ, то в какой-то момент собственник непременно вернется к традиционным механизмам контроля и управления. На наш взгляд, с помощью именно этой парадигмы следует анализировать широко разрекламированные первичные размещения акций государственных банков в Китае, запланированное публичное размещение акций Внешторгбанка, а впоследствии, возможно, и частичное разгосударствление других банков.

Адекватность крупной частной собственности, в том числе на финансовые активы, институциональной системе России — это серьезная научная проблема междисциплинарного характера на стыке экономики, социологии, истории и других отраслей гуманитарного знания. Распространена точка зрения, что крупная частная собственность в России никогда не будет восприниматься обществом как приемлемая и полностью легитимная и потребует огромных ресурсов для своей защиты и выживания. Возможна и более системная постановка вопроса: так, согласно разработанной С.Г. Кирдиной теории институциональных матриц, российская экономика изначально представляет собой систему редистрибутивного типа — «X-экономику» (Кирдина, 2001 и 2004). Набор базовых институтов редистрибутивной экономики детерминирован особенностями природной и материально-технологической среды существования. Основу же X-экономики «составляет централизованно-управляемая условная верховная собственность, независимо от конкретной своей формы — княжеской ли, государственной, федеральной и т.д.» (Кирдина, 2004, с. 57). Тезис о жесткой детерминированности и инвариантности институтов, сформировавшихся в каждом конкретном обществе, представляется нам весьма интересной и глубокой научной гипотезой. Однако существуют и другие подходы: институты можно рассматривать не как жесткий каркас, а как «гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия» (Радаев, с. 113), и тогда открывается возможность через сознательную целенаправленную деятельность людей видоизменить отдельные институты и институциональные формы.

Коммерческая банковская система видится нам как антипод атомной промышленности, а коммерческий банк — как антитеза концерну «Росэнергоатом», особенности структуры собственности и управления в котором описала в своей монографии С.Г. Кирдина

(Кирдина, 2004, с. 188-212). Энергетика, особенно атомная, отрасли военно-промышленного комплекса и некоторые отрасли инфраструктуры в силу своих технологических и прочих особенностей могут требовать высокой монополизации и прямого централизованного управления со стороны государства. Здесь государство может выступать и как собственник, причем в экономике любого типа, в том числе и основанной на частной собственности. Для коммерческого же банка государственная форма собственности представляется неестественной и аномальной. Банки работают исключительно с деньгами, то есть с наиболее развитым инструментом децентрализованного (рыночного) обмена, по определению несовместимого с прямым распределением или бартерным обменом. Не случайно при социализме с его централизованным распределением материальных ресурсов банковское дело как таковое отмирает: при сокращении функций денег в экономике настоящие банки как независимые денежные центры не нужны. В течение нескольких десятилетий в СССР отсутствовали частные банки; их по-прежнему нет в Китае, КНДР и на Кубе. Название «банк» обычно не отражает содержания деятельности финансовых организаций при социализме. Значит, в банковском секторе вместо «условной верховной собственности» должна доминировать вполне персонифицированная частная собственность. По выражению Й. Шумпетера, «банк является фактором развития лишь тогда, когда социально-экономическим процессом не управляет командная сила» (Шумпетер, с. 169).

В обществе обычно представлены различные институциональные формы, в том числе и те, которые чужды глубинной природе данного общества. То или иное сочетание различных форм собственности в банковском секторе встречается во многих странах мира, включая постсоциалистические государства, то есть в них сложилась многоукладная экономика¹¹. В силу исторических, технологических,

11. В рыночной экономике встречаются предприятия, находящиеся в государственной собственности, а при социализме (кроме самых экстремальных его проявлений) живут оазисы частной собственности; есть виды продукции и услуг, которые производятся преимущественно в личных подсобных хозяйствах и индивидуальными ремесленниками, а не в обобщественном секторе (Шмелев). В особом административном районе Китая — Гонконге — сохранились рыночные и демократические институты, отличающиеся от институтов в основной части страны, и это не только не подрывает господствующий строй, а, наоборот, предоставляет ему дополнительные возможности.

природных и иных причин пропорция между базовыми и комплементарными институциональными формами не может быть совершенно одинаковой во всех отраслях экономики и регионах страны, даже если бы общество поставило себе такую цель. Наличие элементов институтов, выступающих как комплементарные по отношению к базовым институтам, делает всю систему гибче и устойчивее, обеспечивает ее выживание. Следовательно, теоретически можно допустить существование отраслей и секторов, в которых доминируют институциональные формы, не являющиеся базовыми на уровне всей экономики. Такие отрасли стали бы комплементарными элементами экономической матрицы, дополняя и уравнивая те отрасли, в которых преобладают нерыночные отношения.

Требование полной конгруэнтности импортируемых институтов перечеркнуло бы большинство проектов модернизации. Принципы и технологии банковского дела сложно признать национально-специфичными, поскольку они интернациональны и универсальны. Речь идет не о выборе между «родными» национальными и «чуждыми» западными институтами, а о самой возможности создать в России банковскую систему, способную выполнять свои коренные функции. Родиной современного банковского дела является не Россия, равно как и не Китай. Признание этого простого факта позволяло обеим странам в различные периоды своей истории заимствовать (копировать) технологии современного банковского дела и свойственные ему институциональные формы и учреждения. В конце XIX — начале XX века европейские банки сыграли ключевую роль в становлении российской финансовой системы. В тот же период в Китае первые современные банки были филиалами иностранных (британских) банков, которые вытеснили традиционных финансовых посредников, действовавших на основе древних конфуцианских норм и обычаев, в основном в сфере торговли. Возможно, в банковской сфере «живое творчество масс» со временем выработало бы какие-то национально-самобытные нормы и правила, которые бы соответствовали базовым институтам общества, вытекающим из особых свойств природной и материально-технологической среды (не что вроде Islamic banking — «исламского банковского дела», только с православной спецификой в случае России). Но есть вероятность того, что эти институциональные формы были

бы изначально менее эффективны и менее конкурентоспособны по сравнению с универсальными.

Несколько слов о *пределах приватизации и возможности господства частной собственности* в банковском секторе. Пропорция между базовыми и комплементарными для данного общества институтами соблюдается на уровне экономики в целом, иначе система разрушается. По мнению С.Г. Кирдиной, критическим уровнем для внедрения альтернативных институциональных форм является уровень в 30-40%, а при превышении этого значения возрастает угроза потери доминирующего положения базовых институтов (Кирдина, 2001, с. 217). Этот тезис относился к макроуровню, то есть к институциональной структуре общества в целом, однако мы не видим методологических причин, почему такая же логика не может быть применена к анализу явлений на мезоуровне, например в отдельной подсистеме национальной экономики, в нашем случае — в банковских и финансовых услугах. Из гипотезы о критическом уровне следует, что для доминирования какой-то из форм собственности удельный вес альтернативных ей форм собственности должен быть ниже указанного критического уровня. Для обеспечения господства частного сектора удельный вес государственного сектора должен быть сокращен ниже порогового значения 30-40%. Действительно, даже в тех странах, где сложилась смешанная экономика, один из секторов всегда лидирует: в Китае это государственный сектор, в любой из стран ЦВЕ — частный. «Двоевластие» между государственной и частной собственностью на банки наблюдается только в России.

С другой стороны, автор не видит теоретических или практических аргументов, почему в банковской системе та или иная форма собственности не может существовать в относительно чистом виде. В некоторых зрелых рыночных экономиках (США) все коммерческие банки принадлежат частному капиталу. Радикально изменили структуру собственности в банковской системе и некоторые переходные экономики (Хорватия, Чехия, Албания), где тоже не осталось ни одного государственного банка и сектор принадлежит частному капиталу, преимущественно иностранного происхождения. Ограничителем приватизации банков в России нам видится политическая осуществимость (*political feasibility*): есть признаки общест-

венного консенсуса относительно необходимости присутствия государства в банковском секторе и неприемлемости «восточноевропейского сценария». Это не следует принимать за абсолютную данность, потому что в периоды нестабильности в общественном мнении происходят существенные сдвиги. Сразу после кризиса 1998 г. о его преодолении путем привлечения иностранного капитала заговорили даже те, кто еще недавно отвергал такую опцию.

Один из мотивов сохранения государственного контроля над кредитными организациями — это желание иметь собственный *инструмент* для проведения структурной, социальной, региональной и иной *политики*¹². Государство не уверено в том, что после приватизации банки продолжат финансирование в достаточных объемах и по приемлемым ставкам тех предприятий и проектов, которые государственные чиновники по той или иной причине считают важными и приоритетными, а в случае неплатежеспособности или неликвидности таких предприятий банки не будут добиваться их банкротства. Сомнения государства усиливаются, если речь идет не о национальном, а об иностранном частном капитале. Противопоставление неких абстрактных интересов общества, якобы выражаемых государством и чиновниками, интересам частного капитала является традиционным в централизованных системах. Однако государство не обладает монополией на понимание «истинных» долгосрочных нужд экономики и общества; оно может ошибаться и выдвигать нереалистичные и убыточные для общества экономические проекты, действовать в личных интересах отдельных чиновников. Деятельность частного капитала, в том числе и в банковской сфере, в конечном итоге позволяет удовлетворить именно общественные потребности. Механизмы обратной связи лучше работают в частном секторе, поэтому у частного и даже иностранного банка есть не меньше, чем у государства, шансов самостоятельно определить,

12. Рассматриваются лишь *рациональные* мотивы действий государства как собственника банков, между тем в такой стране, как Россия, эта тема обсуждается в *идеологической парадигме*. Сохранение государственного сектора и ограничений для иностранных инвестиций в банки объясняется идеологемами «финансовой независимости», «национального суверенитета над банковской системой», «статусом великой державы» и т. д. Идеологемы не являются теоретическими аргументами, и мы не видим смысла в их анализе, однако признаем их объективное происхождение из российской институциональной среды.

какие именно товары и услуги будут востребованы обществом, и разместить ресурсы в этом направлении.

Параллельный оборот государственных и частных капиталов, не конкурирующих между собой, возможен и без прямого участия государства в банках, равно как и без неэкономического принуждения в отношении частных кредитных учреждений. Проведение структурной политики, финансирование и сопровождение национальных проектов, развитие инфраструктуры и отраслей оборонно-промышленного комплекса не требует проведения финансовых ресурсов через обычные коммерческие банки, даже если они принадлежат государству: выполнение таких функций им не свойственно. Финансированием долгосрочных и менее доходных, но нужных для государства проектов в десятках стран мира успешно занимаются специально созданные *институты развития* — организации с государственным капиталом, обычно не являющиеся банковскими учреждениями и не имеющие банковской лицензии (см.: *Об использовании в России...*). Государственные институты развития и продвижения национального экспорта и иные специализированные финансовые учреждения под эгидой государства есть и в развитых странах (США, Германия), и в странах с переходной экономикой. Действуют принципы взаимного дополнения и неконкуренции между институтами развития и обычными коммерческими банками, и кредитные учреждения разных форм собственности успешно сосуществуют и дополняют друг друга, работая каждый в своей нише. В России ни один из предпринимавшихся до сих пор проектов создания финансовых институтов развития (Российский банк реконструкции и развития, РОСЭКСИМБАНК, Российский банк развития, Россельхозбанк) не принес значимого результата. Банки с участием государства часто остаются слабыми и не способными к финансово-кредитному обслуживанию крупных проектов. На наш взгляд, причина в том, что создаваемые учреждения претендовали на все права и виды деятельности коммерческих банков, что помещало их в несвойственную институтам развития нишу и вынуждало конкурировать с обычными участниками рынка.

В этой связи возникает вопрос об институциональном проектировании в форме направленного воздействия на состав участников рынка. Страны ЦВЕ апробировали метод институциональных

преобразований, когда импорт формальных институтов (законов и правил) сопровождается не только импортом организаций для соблюдения этих институтов, но и **импортом акторов**¹³. Полагаем, что институциональная парадигма дает ключ к пониманию непостижимого для российских экономистов стремления большой группы стран добровольно передать иностранным операторам контроль над своим банковским сектором. Решения о приватизации банков принимались правительствами стран ЦВЕ самостоятельно и осознанно, при этом превалировала институциональная мотивация — с помощью «импортных» акторов быстро добиться внедрения новых правил игры и получить готовые банки, способные выполнять свои посреднические функции с наименьшими издержками для общества. Абстрактно-теоретические, фискальные, торгово-политические и тактические соображения преодоления финансового кризиса временно отошли на второй план. Хотя очевидцы свидетельствуют о сильном внешнем давлении на правительства стран с переходной экономикой по вопросу продажи банков¹⁴, мы игнорируем ненаучную «теорию заговора» (*conspiracy theory*), столь популярную в нашей литературе.

Приватизация создает предпосылку, но не является достаточным условием для развития рыночных отношений. Перспектива частного сектора в банковской системе России зависит не только от политики государства, но и от объективных характеристик национального частного капитала. Противоречивый опыт развития банковского дела в новейшей России ставит под сомнение способность национального капитала быть основой частного сектора. Периоды бурного роста частных банков неизбежно сменяются кризисом и банкротствами, вызванными безответственным и разрушительным

13. В авторской монографии 2005 г. (Верников, с. 150–154–157) выдвигается тезис о взаимосвязи между импортом институтов и «импортом организаций», под которыми подразумевались банки, принадлежащие к частной форме собственности. Однако традиционный институционализм оперировал понятиями «организация» и «институт» как тождественными. Во избежание путаницы автор решил впредь вести речь об «акторах», то есть компаниях и банках, являющихся организациями частного сектора.

14. Бывший министр финансов Польши Г. В. Колодко вспоминает, что иностранные инвесторы настойчиво лоббировали проведение ранней приватизации банков при этом гораздо меньше интереса к промышленным активам (Колодко, с. 119).

поведением самих субъектов. Доверие участников рынка к частным банкам было и остается ниже, чем к другим категориям участников — государственным и иностранным банкам. В деятельности частных банков явно просматривается спекулятивная ориентация, в частности стратегия выращивания бизнеса для его продажи стратегическим иностранным инвесторам. Поэтому приватизация госбанков в пользу национальных частных субъектов экономики с большой долей вероятности привела бы к скорой перепродаже этих учреждений тем же стратегическим иностранным инвесторам, что не вполне приемлемо для правящего класса по политическим соображениям.

Заключение

1. Российская стратегия разгосударствления банков осуществлялась непоследовательно и обнаружила больше сходства с политикой Китая, чем стран Центральной и Восточной Европы. Государство намерено контролировать крупнейшие кредитные организации — Сбербанк России и Внешторгбанк («Стратегия...», раздел 3.2). После кризиса 1998 г. рыночная доля государственного сектора вновь начала плавно повышаться и достигла почти 45%. В рамках инерционного сценария прямое государственное участие в банковской системе будет не сокращаться, а расти.

2. Импорт финансовых институтов в Россию не принес ожидаемых результатов. Издержки рассогласования между традиционными и импортными институтами оказались высокими. Многие из заимствованных институтов функционируют неэффективно. Так, сохраняется неполнота прав собственности. Институты легальности (соблюдения законов и контрактов) столкнулись с неформальной сетевой организацией общества. Институты конкуренции не работают в полную силу, вследствие чего общество несет дополнительные транзакционные издержки. Институт страхования частных вкладов действует в интересах лишь одной категории участников рынка — частных национальных банков, на которые приходится не более четверти данного рынка. Институты корпоративного управления недостаточно востребованы в условиях высокой концен-

трации собственности в секторе, где не существует ни одной подлинной корпорации.

3. Модернизация российской банковской системы и всех ее институтов остановилась примерно на середине пути. В банковском секторе фактически сложилась многоукладность, то есть своеобразное равновесие при отсутствии лидирующего сектора — государственного либо частного. Институты централизованной распределительной экономики утратили доминирование, однако его не приобрели и институты рыночной экономики. Состояние институционального тупика мы связываем со структурой рынка с точки зрения форм собственности. В каком направлении пойдет развитие — в сторону возврата к огосударствлению при дозированном допуске иностранного капитала или в сторону либерализации и развития частной инициативы — зависит от проводимой политики, то есть в конечном итоге от политической целесообразности.

4. Инерционный сценарий «работает» в пользу традиционных, то есть преимущественно нерыночных институтов, которые опираются на обширный государственный сектор при слабости частного сектора. Эволюция нынешних тенденций может привести к выдавливанию с рынка большинства частных российских банков и образованию симбиоза между государственными кредитными организациями и дочерними иностранными банками, причем первые будут играть ведущую роль. На наш взгляд, такая структура банковской системы слабо отвечает интересам развития рыночной экономики.

5. Альтернативный выход из тупика смешанной экономики заключается в сознательном целенаправленном воздействии на состав участников рынка с целью расширения рыночного сектора, прежде всего через приватизацию ключевых банков, добровольный отказ от создания новых под эгидой государства и приток частного иностранного капитала в данный сектор. Приватизация требует перехода контроля над конкретным банком от государства и его органов (компаний) к частному сектору. Имитация рыночных форм без трансформации структуры собственности в пользу частной ее формы («рыночный социализм») остается чисто теоретической конструкцией, нигде не получившей эмпирического подтверждения. Привлечение миноритарных частных акционеров недостаточно для решения этой задачи. Если Россия действительно движется

в направлении экономики рыночного типа, то ведущей роли частной собственности нет альтернативы: именно она предопределяет характер всех остальных экономических институтов. Выживание новой институциональной формы потребовало бы ее доминирования, то есть превышения «критической массы» (60-70% объема рынка).

6. Страны ЦВЕ апробировали метод институциональных преобразований, когда импорт формальных институтов (законов и правил) сопровождается как импортом учреждений для соблюдения этих институтов, так и импортом акторов (иностранных банков). Институциональная парадигма дает ключ к пониманию сути произошедших в банковском секторе пост-социалистических стран изменений. Если оценивать успешность этой стратегии с точки зрения приоритетной национальной задачи для каждой из переходных экономик Центральной и Восточной Европы — своевременного вступления в Европейский союз и ускорения конвергенции с европейскими странами, то результаты осуществления данной стратегии приходится признать успешными. Доминирование иностранных, а не местных операторов сложилось вследствие слабости и незрелости национального банковского капитала в этих странах. Опыт развития стран ЦВЕ имеет теоретическое и практическое значение для следующих «волн» переходных экономик.

7. У ученых существуют серьезные сомнения относительно адекватности крупной частной собственности историческому пути развития России и базовым институтам российского общества. Однако частные банки могли бы играть комплементарную (дополняющую) и балансирующую роль в экономике. Мы расцениваем государственную форму собственности как аномальную для коммерческого банка. Банковская система может и *должна* строиться на рыночных принципах, то есть на основе частной собственности. Иначе это уже будут не совсем банки или совсем не банки, каковыми были учреждения под вывеской «банк» при социализме. Огосударствление банковской системы означает ее уничтожение. Специфические интересы государства было бы эффективнее реализовать через институты развития и другие, альтернативные банкам, формы финансового посредничества.

8. На примере банковского сектора видно, что российская элита тяготеет к китайскому опыту медленных эволюционных

Заключение

изменений, постепенной модернизации и капитализации банковской системы при сохранении за государством полного контроля видится многим исследователям как более приемлемый для России, чем опыт быстрых радикальных преобразований в странах ЦВЕ. Проблема лишь в том, что Китай не ставит цель демонтажа социализма и создания рыночной экономики, основанной на частной собственности. В России же декларируется курс на построение капитализма, а экономика считается переходной. Но капитализма без частной собственности не бывает, а общепринятый смысл термина «переходная экономика» — это экономика, «осуществляющая переход к преимущественно рыночной системе». В российском банковском секторе есть признаки эволюции в направлении некоей нерыночной социально-экономической модели, в которой частная форма собственности не преобладает.

Литература

- Автономов В. С.** «Рыночное поведение»: рациональный и этический аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 12. С.6—13.
- Банковские системы в реформирующихся экономиках. Россия в контексте зарубежного опыта / Ин-т социальной экономики РАН. СПб, ДБ. 2001.
- Верников А. В.** Иностраные банки в странах с переходной экономикой: сравнительный анализ. М: ИМЭПИ РАН, 2005.
- Головнин М. Ю.** Банковская система Китая на фоне других переходных банковских систем // Вопросы экономики. 2003. № 12.
- Дерябина М. А.** Приватизация, собственность, контроль: смена приоритетов: Научный доклад. М: ИМЭПИ РАН, 2001.
- Дробышевский С., Пащенко С.** Анализ конкуренции в российском банковском секторе / Ин-т экономики переходного периода: Научные труды № 96Р. Москва: ИЭПП, 2006.
- Захаров В. С.** Очерки банковской реформы 1988-1991 годов. М: Финансы и статистика, 2005.
- Ивантер А.** Попробуйте дракона на вкус // Эксперт. 2006. № 21(515).
- Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки/Ин-т экономики переходного периода. Научные труды № 68Р. Москва: ИЭПП, 2003.
- Капелюшников Р.** «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1.
- Капелюшников Р. И.** Концентрация собственности и корпоративное управление. Препринт WP1/2005/03, М: ГУ — Высшая школа экономики, 2005.
- Кирдина С. Г.** Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, ИЭИ-ОПП СО РАН, 2001.
- Кирдина С. Г.** X- и Y-экономики: институциональный анализ. М: Наука, 2004.
- Колодко Г. В.** От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000.
- Корпоративное управление в российской промышленности. М: ИЭПП, 2005.

Литература

- Крюков В. А.** Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.
- Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М.** Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки и контракты. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005.
- Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е.** Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. 2005. № 5. С.5-27.
- Матовников М. Ю.** Об оценке эффективности российских банков как финансовых посредников // Деньги и кредит. 2000. № 5. С.27-34.
- Наймушин В.** Рыночные реформы в России: можно ли разорвать замкнутый круг истории? // Вопросы экономики. 2004. № 10. С.114-128.
- Нестеренко А. Н.** Экономика и институциональная теория. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Норт Д.** Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С.6-17.
- «О банках и банковской деятельности». Федеральный закон РФ от 2 декабря 1990 года № 395-1.
- «О приватизации государственного и муниципального имущества». Федеральный закон от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ.
- Об использовании в России опыта новых индустриальных стран в формировании «институтов развития» и стимулировании инновационного экономического роста // Вопросы экономики, 2004. № 10. С.32-54.
- Обзор банковского сектора Российской Федерации. Банк России. Интернет-версия. http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/
- Олейник А. Н.** Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 12; 1998. № 1.
- Олейник А. Н.** Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2005.
- Полтерович В. М.** Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России, 2001, № 3.
- Прохоров А.** Уравниловка как элемент русской модели управления // Вопросы экономики. 2004. № 10. С.99-113.
- Радаев Вад. В.** Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т.4, № 3.
- Радыгин А. Д., Энтов Р. М., Гонтмахер А. Е., Межераупс И. В., Турунцева М. Ю.** Экономико-правовые факторы и ограничения в становлении моделей корпоративного управления/Ин-т экономики переходного периода: Научные труды № 73Р. М.: ИЭПП, 2004.
- Савинский С. П.** О банковском секторе КНР и реформе Народного банка Китая // Деньги и кредит. 2005. № 10.
- Сергиенко Я.** Финансовая модель экономических изменений в условиях неразвитых институтов // Вопросы экономики. 2002. № 9.
- Совещание Президента РФ В. В. Путина с представителями банковского сообщества. Новосибирск, 14 декабря 2005 г. М.: Ассоциация российских банков, 2006.
- Старк Д.** Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики. 1996. № 6.
- Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года. Утверждена Правительством Российской Федерации и Центральным банком Российской Федерации, 2005 год. http://www.cbr.ru/today/publications_reports/printasp?file=str_2008.htm

Литература

- Тамбовцев В. А.** Институциональные изменения в российской экономике // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4.
- Шмелев Г. И.** (составитель и отв.ред.). Необщественный сектор в экономике социалистических стран: Статистический сборник. М.: ИЭМСС АН СССР, 1989.
- Шумпетер Й.** Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита и цикла конъюнктуры. М.: Прогресс, 1982.
- Экономико-правовые факторы и ограничения в становлении моделей корпоративного поведения/Ин-т экономики переходного периода: Научные труды № 73Р. М.: ИЭПП, 2004.
- A survey of international banking // *The Economist*, 20.05.2006.
- Bonin J., Hasan I. and Wachtel P.** Bank Performance, Efficiency and Ownership in Transition Countries // *Journal of Banking and Finance*, 2005, 29 (1), p.31—53.
- Campbell J.** Institutional Theory and the Influence of Foreign Actors on Reform in Capitalist and Post-Socialist Societies. — in: *Institutional Frameworks of Market Economies*.
- Hausner J., Jessop B. and Nielsen K.** (eds.). Aldershot: Avebury, 1993, p.45—67.
- Choi S. and Hasan I.** Ownership, Governance, and Bank Performance: Korean Experience // *Financial Markets, Institutions and Instruments (New York University)*, 2005, 14(4), p.215—242.
- Cyert R. M., Kumar P. and Williams J. R.** Information, Market and Strategy // *Strategic Management Journal (Chichester etc.: Wiley)*, 1993, 14 (winter special issue).
- Cyert R. M. and March J. G.** A Behavioral Theory of the Firm. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1963.
- Drakos K.** Assessing the success of reform in transition banking 10 years later: an interest margins analysis // *Journal of Policy Modeling*, 2003, Vol. 25, Issue 3, p. 309—317.
- Eggertsson T.** Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform. University of Michigan Press, 2005.
- Eggertsson T.** Economic Behaviour and Institutions. Cambridge University Press, 1990.
- Fries S. and Taci A.** Cost efficiency of banks in transition: evidence from 289 banks in 15 post-communist countries. Working Paper No.86. L.: European Bank for Reconstruction and Development, 2004.
- Gelos R. G. and Roldos J.** Consolidation and Market Structure in Emerging Market Banking Systems // *Emerging Markets Review*, 2004, 5 (1), p.39—59.
- Greif A.** Cultural Beliefs and the Organization of Society: An Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *Journal of Political Economy*, 1994, 102(5), p. 912—50.
- Grigorian D. and Manole V.** Determinants of commercial bank performance in transition: an application of data envelopment analysis. Policy Research Working Paper No. 2850. Washington, DC: The World Bank, 2002.
- Hasan I. and Marton K.** Development and efficiency of the banking sector in a transitional economy // *Journal of Banking and Finance*, 2003, 27, p. 2249—2271.
- Johnston R. B. and Sundararajan V.** (eds.). Sequencing Financial Sector Reform: Country Experiences and Issues. Washington DC: International Monetary Fund, 1999.
- McCarthy D. J. and Puffer S. M.** Corporate Governance in Russia: A Framework for Analysis. — in: McCarthy D. J., Puffer S. M. and Shekshnia S. V. (eds.) *Corporate Governance in Russia*, Cheltenham, UK and Northampton, MA: Edward Elgar, 2004, p. 29—60.
- North D. C.** Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990.

Литература

- Puffer S. M. and McCarthy D. J.** The Emergence of Corporate Governance in Russia. — in McCarthy D. J., Puffer S. M., Shekshnia S. V. (eds) *Corporate Governance in Russia*, Cheltenham, UK and Northampton, MA: Edward Elgar, 2004, p. 3—28.
- Raiffeisen. CEE Banking Sector Report, Raiffeisen Zentralbank Osterreich AG and Raiffeisen Centrobank AG. Vienna, 2006. <http://www.rzbat/ceebankingreport2006>
- Rodrik D., Subramanian A. and Trebbi F.** Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*, 2004, 9(2), p. 131—65.
- Systemic Bank Restructuring and Macroeconomic Policy. Washington, DC: International Monetary Fund, 1997.
- Vernikov A.** Bank privatisation and its institutional effects: Which way is Russia going? — Доклад на международной научной конференции «Стратегии развития — сравнительный взгляд», Университет Брайтона (г. Брайтон, Великобритания), 7—9 сентября 2006 года. <http://www.brighton.ac.uk/bbs/eaces/papers/3c1.pdf>
- Weill L.** Banking Efficiency in Transition Economies. The Role of Foreign Ownership // *Economics of Transition*, 2003, 11(3), p.569-592.
- Williamson O.** *The Economic Institutions of Capitalism*. N.Y.: Free Press, 1985.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Эволюция структуры собственности в банковском секторе	6
I.1. Разгосударствление банковской системы России	6
I.2. Альтернативные стратегии разгосударствления банков	8
Глава II. Импорт финансовых институтов: первые результаты	16
Глава III. Пути выхода из институционального тупика	31
Заключение	43
Литература	47

«Теоретическая экономика»

Верников А. В.

Формы собственности
и институциональные изменения
в банковском секторе

Редактор *Пуцаева Л. Д.*

Оригинал-макет *Валериус В. Е.*

Компьютерная верстка *Костюхиной А. И.*

Подписано в печать 09.02.07. Зак.№ 6.

Тираж 300 экз. Объем 2 печ. л.

Отпечатано в ИЭ РАН.